

♠Драконофобия в контракт не входит

Дарья Гусина

Глава 1

Синтия

Нас ждали. Нас встречали. Нам не были рады, ни капельки.

Слух о появлении в небоскребе съемочной группы, как и следовало ожидать, взлетел на семнадцатый этаж раньше нашего лифта. В холле ресторана выстроилась целая делегация. Высокий носатый официант, скалясь, прикрывался подносом, словно щитом. Трое встревоженных официанток переглядывались и кусали губы. Грузный су-шеф затравленно бормотал на ликанском, похоже, перечисляя ингредиенты блюд. Помощница директора ресторана (и по совместительству его любовница), побледнев, медленно заваливалась набок. Мой оператор Сидор придержал даму, и та, вернув на лицо бледное подобие улыбки, вежливо пролепетала:

– Какой сюрприз! Госпожа Де... де...!

– Она самая, – я лучезарно улыбнулась в ответ. – Программа «Скрупулёззо» и ее ведущая Синтия де Релло. Вот разрешение на съемку, подписанное мэром. Мы заказывали столик. На имя Сидор Бобски. Это мой оператор.

Сидор кивнул, продолжая снимать. Разумеется, если бы я заказала столик на свое имя, работники ресторана «Счастье есть» успели бы подготовиться: все в зале и на кухне блестело бы и переливалось, блюда подавались бы идеально приготовленными, а обслуживание выходило бы за рамки «выше всяких похвал»... и тараканов бы повывели, садисты.

Стол главного редактора «Скрупулёззо» ломился от жалоб от недовольных посетителей «Счастья» вовсе не из-за возни злопыхателей или интриг конкурентов. Похоже, в ресторане действительно уменьшали размер порций, разогревали ранее приготовленные блюда и плохо мыли посуду. Поэтому этот вечер я и мой оператор собирались провести в знаменитом и некогда весьма достойном заведении, вкушая яства и анализируя обстановку не только визуально, но и с помощью специальных магических устройств.

– Да-да, разумеется, – мадам засуетилась. – Прошу за мной.

Нам пришлось пройти через весь зал. Штанины моих шикарных широких шелковых брюк от «Дома Падавы» изысканно обтекали ноги, каблучки туфель от Винсента Винсенто выбивали звонкую дробь, посетители, особенно мужчины, оглядывались вслед, сначала с интересом, потом с удивлением (Сидор уже вовсю снимал интерьер и лица гостей) и, в конце концов, с узнаванием и легким беспокойством. Нет, сегодня я не буду приставать к этим людям с просьбой оценить ресторан по десятибалльной шкале. В лаковой бежевой сумочке лежат рабочий комбинезон, лупа и магический анализатор загрязнений.

По контракту с каналом «Высокая кухня Сильверграда» я должна быть хорошо одета, строга и хрустально вежлива. Всегда с удовольствием следую этому правилу. Я лицо передачи и отлично играю роль придирчивой стервы. Элегантной придирчивой стервы. Мой стиль копируют, обо мне говорят в шоу-румах. Уже поступило несколько предложений сняться в рекламе чистящих средств.

Однако я не только популярная красотка – я та, кто срывает маски и разоблачает. А для этого нужно трудиться. Поэтому на съемках только брюки и легкие блузки, ибо попробуйте-ка натянуть рабочий комбез поверх юбки.

Думаю, сегодня придется изрядно попотеть и поползать на четвереньках. Здесь все-таки не дураки работают, значит, различные огрехи отлично скрыты. Моя цель – вывести недобросовестное «Счастье» на чистую воду, которую тут явно экономят.

– Готовы сделать заказ? У нас много клиентов и время ожидания...

– Еще пара минут.

Я читала меню. Нужно заказать то, что невозможно приготовить быстро.

– Холодец из пяти видов мяса «Чудо Сильверграда», салат с водорослями «Радость Русалки», алтазанские устрицы.

Свежие устрицы из Алтазана невозможно доставить за сорок минут даже на драконе.

– А десерт? – пропищала метрдотель.

▲– А на десерт у нас будет... вуаля!... шоколадный трюфель.

Какао прекрасно впитывает посторонние запахи, особенно если долго стоит в холодильнике.

– Вино? – мадам бледнела, теряла голос, а с ним и самообладание.

– Вино, – покладисто согласилась я. – На ваш вкус.

Метрдотель сделалась белой, но решилась:

– Госпожа де Релло, могу ли также взять на себя смелость и предложить вам... иной подбор блюд, исходя из...

– Не можете, – я снова лучезарно улыбнулась. – Вы не можете взять на себя эту смелость. Если бы эти блюда отсутствовали в меню или с ними была бы какая-либо проблема, по уставу рестораторов вы должны были предупредить меня до того, как я сделала заказ. С моим выбором что-то не так?

– Нет-нет, просто...

– Тогда мы ждем. Мы очень голодны, – на этот раз моя улыбка вышла немного хищной.

Мадам отошла нетвердой походкой. Скорее всего, сейчас побежит докладывать владельцу ресторана, господину Терентьеву, бывшему ведьмаку, в молодые годы заработавшему приличный капитал на ловле нежити.

Ведьмаки защищают Сильверград от Пробоев, из которых вечно лезет всякая зубастая потусторонняя дрянь. Вот только ведьмацкое братство в минувшие десятилетия окончательно превратилось в сборище мажоров, лентяев и потребителей разной транс-дури. Говорят, за последние три года Дозоры почти вернули себе былое уважение: нежить отлавливают, черных колдунов разоблачают, но я их все равно недолюбливаю. Разумеется, не так сильно, как драконов.

Вот, кстати, один из них, чешуйчатых. Сидит за соседним столиком, масляно улыбается и пялится. Думает, он неотразим. Драконья ипостась так и прет – не перепутаешь. Ну да, он неотразим... был бы, будь на моем месте другая девушка.

Я одарила красавчика жестким недовольным взглядом. Не смутился, лишь поднял одну бровь. Драконы к отказам не привыкли. До женитьбы гуляют направо и налево, а после брачного полета стараются остепениться и превращаются в добродетельных мужей и отцов. Впрочем, я в это не верю. Никто не знает, что происходит внутри драконьей семьи. Редко что из семейной жизни драконьих пар, особенно Сакральной Дюжины, по факту управляющей городом, становится

достоянием общественности(*). Однако слухи впотьмах не удержишь, несмотря на то, что драконы богаты, способны подкупить всю прессу Сильверграда и нанять толпу самых продажных юристов. Ненавижу.

(* о городе Сильверграде, ведьмаках и драконьих традициях читайте также в романе «100 свиданий с ведьмаком» на странице автора)

— Твой клиент? — скабрёзно ухмыльнувшись, спросил мой оператор, показав глазами на наглого посетителя.

Терплю его из последних сил. Сидор — полукровка, наполовину дивный, смазливый, как инкуб. Мы давно в команде, и нас иногда в шутку называют «бригада Си-Си». Сидор считает, что все знает и что моя передача держится на нем одном. Ах да, еще искренне верит, что я в него тайно влюблена, просто не признаюсь. Дурачок.

— Что?! — я нахмурилась и сверкнула глазами, аки гроза в полночь. — Какой еще клиент? Ты слова-то подбирай, Сидорушка.

— Ну... один из тех, с кем ты обычно ужинаешь.

— Напомню то, о чем ты и так прекрасно знаешь, — сладко пропела я, наклонившись к оператору через стол. — Это наш редактор Версений решает, с кем я иногда ужинаю. Слышишь, иногда, и только ужинаю. Это реклама, знаешь такое слово? Реклама ресторанов тех, кто платит за возможность поужинать со мной и тем самым привлечь внимание к своему заведению. С помощью моего в нем присутствия привлечь. Я — знак качества, лучший ресторанный критик в городе! Все знают, что я не ужинаю в злочных и непотребных местах. Кстати, имею я от этого не так уж много. И, кстати, как бы вы там не судачили, весь доход от моих суаре идет в копилку «Скрупулёззо», а не в карман Версения.

Сидор недоверчиво хмыкнул. А вот зря ты так. Денег от ужинов с одобренными нашим редактором... хм... клиентов мне действительно перепадает скромно. А у меня квартира в центре Сильверграда, счета за свет, воду и содержание каминов. Хорошо, что наряды и парикмахера с визажистом оплачивают спонсоры. Я ничего не оставляю себе, иначе мне пришлось бы выкупать понравившиеся вещи и украшения. Модные дома нынче очень прижимисты. Ничего, будет и на моей улице праздник.

Я выпрямилась и бросила:

– Знаю, что это неэтично. Но иначе «Скрупулёззо» не выживет. Нужны новые идеи, а их нет. Нас теснят конкуренты, кулинарные битвы и скандальные ток-шоу с разоблачением. В последнее время все меньше предложений по рекламе. Спонсоров – тоже.

Сидор недовольно шевельнул острым ухом.

Румяная, то ли по жизни, то ли от волнения официантка принесла столовые приборы и судочки с соусами. Дракон за соседним столиком продолжал рассматривать меня безо всякого стеснения.

Было что-то в его взгляде, от чего у меня по спине пробежал тревожный холодок. Ресторатор, некогда обиженный критикой «Скрупулёззо»? Нет, я бы запомнила.

– Простите, – я обратилась к официантке, – не подскажете, кто тот господин за столиком в центре зала? Он кажется мне знакомым, но...

Девушка еще больше зарумянилась и негромко проговорила:

– Ой, это же господин Ганье. Арман Ганье, племянник нашего бывшего мэра. Он недавно вернулся из длительного путешествия. И, говорят, – щеки девушки запылали алыми маками, – он искал себе невесту, не нашел и теперь готов к брачному полету в Сильверграде. Счастливицей может стать каждая!

Теперь понятно, почему я его не помню: три года назад я только переехала в Сильверград, вернее, сбежала.

– Да что вы говорите?

– Ага, – девица хихикнула.

– Я слышал, сейчас у девушек вошло в моду спать на террасах в теплые дни. Не потому ли? – вкрадчиво поинтересовался Сидор, лаская официантку взглядом.

– Ага, – девицей уже можно было освещать улицы.

– Скоро будет готово? Мы голодны, – я поспешила закрыть двусмысленную тему.

– Почти готово. Минут пятнадцать.

– Спасибо, – улыбнулась я, а когда девушка отошла, пробормотала под нос: – Брачный полет? Вот же «свезет» кому-то.

Говорят, чистокровные драконы из старых родов давно женятся по расчету, а их брачный полет – фикция. Но эти дуры все равно надеются.

Нам, наконец, подали еду. Сидор включил камеру.

– Дорогие телезрители! С вами снова я, Синтия де Релло, и программа «Скрупулеззо»! Итак, что тут у нас? – заговорила я. – М-м-м... Холодец. Потрясающая сервировка. Кусочки мяса в желе выложены в форме башен Сильверграда. Вот Сити-круг, а вот... я просто в умилении... серебряный мост в Туманный квартал. А этот кусочек лимона, видимо, солнце. Надеюсь, дорогие зрители, камера передает всю красоту блюда, любимого столь многими сильверградцами. Даже жаль его есть. Впрочем, я и не собираюсь этого делать, – я сменила тон с восторженного на деловой. Разрушив знаменитую башню Хрустального Дворца, отломила вилкой кусочек холодца с краю, и поднесла его к носу. – Присутствуют посторонние запахи, их не отбивают даже лимон и лавровый лист. Мясо обрабатывали уксусом. Консистенция желе слишком плотная, добавлен загуститель. Напомню, что холодец, как национальное блюдо Солнечного квартала, о чем, кстати, упоминается в меню ресторана «Счастье есть», варится без использования желатина. И еще: здесь не пять видов мяса, а три. Даже пробовать не буду. Перейдем к устрицам...

Я немилосердно прошлась по остальным блюдам, включая десерт. Всё, как писали люди в жалобах – красиво, но невкусно. Счет же зашкаливал. Я встала и прямо в зале натянула поверх одежды свой белоснежный комбинезон. У входа на кухню меня попытались остановить. Как всегда. Один из поваров больно схватил за руку. Я отступила, достала из сумки свое «зеркальце» (обожаю эти устройства: маленькие, тоненькие, собеседника видно, будто он рядом, и магического заряда ♠хватает на двое суток), сделала вызов и холодно пожаловалась чиновнику в Ратуше на препятствия работе СМИ.

Меня тут же пустили. Так. Все ясно. Насчет грязи я ошибалась – она была видна невооруженным взглядом, а вот живность попряталась по щелям. Ночью вылезет и пойдет угощаться. В одном из писем посетитель жаловался на тараканью лапку в супе. Работники «Счастья» в весьма агрессивной форме заверили его, что это специи.

Где же вы, мои милые усатенькие рыженькие зверушки? Я знаю, что вы там. Идите к

Синтии. Я вас
посчитаю и отпущу, честное слово.

... Через пару часов я сидела в кабинете Версения Ледкова, нашего редактора, и
суховато излагала
результаты поверки:

– Вытяжки в паутине, вонючий лед в холодильниках, экономят ледяную магию.
Используют
заклинания уборки, самые дешевые, они больше размазывают грязь, чем удаляют.

– Тараканы? – нахмурился Версений, крутя в пальцах серебряную ручку.

– Вышли полчищами, – кивнула я не без гордости. – Две официантки упали в
обморок.

– Синди, ты не слишком усердствовала? Никто не догадался?

– Вы насчет моей магии призыва? Я осторожно. Самой совершенно не нужно, чтобы об
этом
узнали, – мне на секунду стало зябко, словно дохнули на плечи холодом.

– Терентьев, хозяин «Счастья», – мой старый друг, – вздохнул Ледков. – Мы вместе
служили в
ведьмацких Дозорах, ловили нежить. Он просит отсрочки.

– Это против наших правил.

– Эх, не мне тебе напоминать, что мы многое делаем против правил. Нет, он не
настаивает на том,
чтобы передача не выходила. Он умоляет, чтобы мы объединили два выпуска:
сегодняшний и тот,
что выйдет уже с исправлением недочетов. Так снизятся убытки из-за удара по
репутации.
Терентьев клянется, что все исправит. Это его мадама разошлась, проворовалась, а
он и не туда. Я
ему верю.

– Вы здесь начальник, – я улыбнулась. – Вам и решать. Я сама ее подозревала. Уж
очень она
испугалась. Ладно, я пойду. Устала.

– Иди, Синди. И прошу, осторожнее.

... Я брела домой, еле переступая. Они все думают, я железная. Стерва в доспехах.
А я живая. У
меня болят ноги и ломит все тело. И я ничего не ела (желудок недовольно заурчал)
с самого утра. В
холодильнике только йогурт. Переоденусь и пойду в «Спайси панду». Это даже не
ресторан, а

палатка торговцев из Восточного квартала. Но там так вкусно жарят креветки!

Как этот, как его... Арман Ганье попал на кухню «Счастья»? Он настолько важный господин?

Племянник бывшего мэра? Да, точно. Бывший мэр и сейчас в Совете Драконьей Диаспоры.

Ганье вошел на кухню как раз в тот момент, когда я совершала свой акт «экзорцизма» подшкафных тварей, мокриц и тараканов. Та румяная девушка ловко пала ему на руки. Небось обрадовалась и уже мысленно шьет себе свадебный наряд.

Я вроде бы особо не усердствовала, но почему мне так тревожно? И что за взгляд был у дракона?

Нет, не похотливый (хотя чуточку не без этого), но очень странный.

Глава 2

Глава 2

Петр

Я нарочно долго возился у лестницы, делая вид, что прихорашиваюсь. Дворецкий Виззл смотрел на меня, как на докучливую букашку, которую неплохо было бы раздавить, пока она не наделала бед.

Рот неодобрительной трещиной прочертил его лицо, и он напомнил мне древнюю нежить из

энциклопедии зимних тварей. Даже слуги не одобряли меня в этом доме.

▲Задержался я не зря: родственнички устали сидеть в парадных позах и успели перекинуться парой

фраз. Я остановился у приоткрытой двери в утреннюю гостиную. Всегда поражался безвкусному,

аляповатому декору этого дома.

— Арман! — горько восклицала мачеха. — Сколько раз мне тебя умолять: смирись! Мы ничего не

можем поделать с тем фактом, что у твоего отца до меня был еще один брачный полет! И его первая

жена ведунья, и его сын...

— Наглый выскочка, — пробормотал мой сводный младший брат.

Скажи Арманчик что-либо оскорбительное о моей матери, наша встреча после пяти лет разлуки, в

которой мы особо друг по другу не скучали, началась бы со знатного хука в его аристократическую

драконью морду. Я подождал еще минуту и толкнул дверь.

— А вот и я! — надеюсь, мое лицо достаточно блистало радостью. Я даже очки снял. Пусть видят,

как чисты мои глаза.

Семейство Ганье, расположившееся на диване в гостиной, напоминало родню, собравшуюся у гроба покойника, причем покойника в высшей степени неприятного.

– Пётр, как я рада тебя видеть, – скорбно проговорила матушка, подав мне руку для поцелуя.

Арман кивнул, отчетливо скрипнув зубами. Юный Антуан, не обращая на меня внимания, продолжил заниматься обычным делом – незаметно выуживать и рассматривать козявки из носа (за пять лет он повзрослел, но любимый вид досуга, как видно, не сменил). И только Эмилия шагнула вперед и крепко меня обняла. Она всегда была единственным вменяемым членом этого семейства.

– Я рада тебя видеть, Петя, – прошептала она.

– И я тебя, Эм, – искренне сказал я. – Ты просто сияешь.

Сестра грустно улыбнулась комплименту. Она ничего не унаследовала из аристократической красоты своей матери, зато взяла от отца острый подбородок и глубоко посаженные глаза. Умные, грустные глаза человека, ничего не ждущего от жизни. Ее считали скучной и некрасивой. Старая дева в двадцать девять лет со всеми полагающимися обязанностями непристроенной женщины-дракона: благотворительность, посещение выставок современного искусства, безупречная репутация в плане любовных походов. Сомневаюсь, что они были, эти походы, под таким-то контролем матери и брата. Я думал, это пережитки прошлого, но нет – высшая знать Сильверграда до сих пор следовала устоям столетней давности.

– Антуан, – печально велела матушка своему младшенькому, как раз извлечшему из носа какой-то, судя по заинтересованному лицу, незаурядный экземпляр козявки, – пожди брату руку.

– Нет, нет, – быстро проговорил я. – Не стоит. Обойдемся без рукопожатий с детьми. Эпидемиологическая обстановка в городе... не очень.

Ганье уселись и выжидающе на меня уставились. Все, кроме Эмилии. Сестра отошла к окну. Ей никогда не были интересны деньги. Она призналась однажды, что мечтает иметь собственную мастерскую и делать серебряные украшения. Отец даже подарил ей набор инструментов незадолго до смерти. Думаю, их у Эм отобрали сразу после похорон. Я тогда уехал. Жалею, что не задержался

и не поддержал Эмилию.

Я сел в кресло, хотя Ганье не приглашали меня вытянуть усталые ноги. Они продолжали молчать и дружелюбно улыбаться. Как бойцовая собака, готовая откусить вам голову.

Первым не выдержал Арман:

— Ты явился за наследством? Спусти столько лет?

О, да мы искренне возмущены! Как же, старший брат все-таки потребовал свою долю!

— Да, Арманчик, — ласково проговорил я, знаю, как сильно брат ненавидит любые уменьшительно-ласкательные игры с его именем. — Я приехал забрать то, что принадлежит мне по закону. Папин ресторан «Вольный маг».

Ганье молчали. Долго. Юный Антуан даже отвлекся от спелеологических изысканий и удивленно переводил взгляд с маман на брата.

— И все? — недоверчиво спросил Арман. Братец явно ожидал, что я буду требовать долю в общем наследстве. — То есть... я хотел напомнить, что брак отца и твоей матери не был признан Драконьей Диаспорой и...

♣— Я в курсе, братец. Ты раз пятьсот объяснял мне, что я не имею право на наследство Ганье. Я разве на него претендую? Я ведь не идиот. Стоит мне об этом заикнуться, и твои друзья юристы-экономисты-банкиры размажут меня по стенке. Но я также знаю, что к завещанию была приложена дарственная. И ее не смогут опротестовать даже носатые лепреконы в дорогих костюмах. Отец сделал все, что мог в той ситуации — подарил мне ресторан по закону Драконьего Дара. Он всегда знал о моих слабостях. Обожаю дарить людям радость, особенно гастрономическую.

— Харчевню, — Арман вернулся к привычному уничижительному тону, глаза его забежали. — Он подарил тебе харчевню. Темное, убогое местечко с дурной репутацией. Рестораном его сделал я!

— Ты?! — Эмилия повернулась от окна. Я впервые вид такой гнев на лице сестры. — А ты не ошибаешься? Ты его испортил!

— Эм, деньги семьи... — поморщившись, начал брат.

— О да, конечно, ты давал мне деньги! А я там дневала и ночевала! Подготовила проект модернизации, наняла людей, завоевала сердца посетителей, начала получать прибыль! Чтобы ты

потом пришел и сделал из папиного любимого места... китч!

– Дети! – слабым голосом протестующе проговорила матушка. – Эмилия, что с тобой? Пожалуйста, успокойся!

– Мне просто надоело, мам, – отрывисто проговорила сестра, глядя в глаза Арману, – что меня

здесь считают пустым местом! Я рада, что Петр заберет у вас «Вольного мага»!

Надеюсь, хоть он

сохранит в ресторане остатки чего-то... папиного! Пусть он, если я не могу!

Мне было жалко Эмилию. Надо же, мое требование разворошило улей. Или вулкан спящих

страстей. Однако побледневшая сестра обняла себя за плечи и снова отошла к окну.

Протест дался

ей нелегко. Лиха беда начало, сестрица.

– Спасибо, Эм, – сказал я. – Я еще не был в «Вольном маге». Собираюсь навеститься туда в

ближайшее время, например... сейчас. Не желаешь составить мне компанию?

Эмилия посмотрела удивленно, тряхнула головой и сказала:

– Почему бы нет? Я только возьму сумочку и плащ.

Арман напрягся:

– Постой, Петр, мы еще не обсудили...

– С моими юристами обсудите, – бросил я. – Очень рад был всех повидать, – я поклонился,

надеюсь, достаточно куртуазно. – Особенно тебя, юный Антуан. Ты просто воплощение семейных ценностей Ганье. Желаю не болеть.

... Мы с Эм ехали в такси. Сестра молчала. Я ни о чем ее не спрашивал. Сама заговорит, когда

захочет. И она заговорила, когда мы проезжали мимо реки:

– Я собиралась выйти замуж.

– Когда? – встрепнулся я. – За кого?

– Три года назад. Когда Арман уехал. Надеюсь, что в его отсутствие смогу убедить маму. Не

смогла. За кого? За того, кого моя семья никогда бы не приняла. Как тебя, Петенька. Я влюбилась.

Он был... мой человек, мой мужчина, самый... мой. Дивный. Полукровка. На четверть метаморф. Без

шансов, да? А я все-таки надеюсь, глупая.

– Вы еще встречаетесь?

– Арман нанял людей. Его очень сильно избили... и он уехал.

– Сбежал, – я нахмурился.

– Не говори так. Я надеюсь, что они его не покалечили, что он не... умер. И я рада, что в моей жизни была... любовь, короткая, но настоящая. Вряд ли мне выпадет еще один такой шанс.

– В «Вестнике мага» тебя почти сосватали за этого... смазливого гуляку, сына Серого Аспида, дракона из Сакральной Дюжины.

▲– О да. Прекрасная партия, – Эмилия горько усмехнулась. – Потасканный кобель. Прогулял все, что мог. Теперь поглядывает на мое приданое. Очень сожалеет, что в комплекте с приданным иду я.

– Держись, Эм. Я знаю, ты можешь. Просто пошли свою семейку к нежити.

– Тебе хорошо говорить. У тебя даже фамилия другая: ты Ракитников, а не Ганье. Хотя ты очень похож на отца, такой же красивый. И с нашей последней встречи стал еще интереснее, возмужал. Все время носишь очки от солнца. Зачем они тебе? У тебя такие выразительные глаза!

– В Сильверграде слишком много огней, зрение портится, – отшутился я. – Где Арманчик болтался три года?

– Он вляпался в одну неприятную историю с ведьмаками. Он их ненавидит. Считает отребьем. Вечно доказывает, что они злоупотребляют своей властью в городе. В тот раз брат зашел слишком далеко... и еще транс-дурь. Дядя отослал его подальше, в какой-то провинциальный мир. Когда стихли разговоры, Арман вернулся. Без жены, хотя предполагалось, что он совершит там брачный полет, по договоренности, разумеется.

– Ясно.

– Мы приехали, – сказала Эмилия. – Узнаешь папину харчевню?

– Нет, – ошеломленно произнес я.

Глава 3

Глава 3

Синтия

Итак, платье! А ну-ка, что у нас в шкафу? Из всего, что я в разное время «случайно» забывала вернуть спонсорам, для сегодняшнего вечера и события, к нему приуроченного, больше всего подходило красное мини, с тонкой сеткой поверх шелкового чехла. На сетке по подолу были вышиты языки пламени.

Огонь я люблю — я ненавижу копать, пепел и золу. В эту квартиру, мое третье жилье в Сильверграде (первые были откровенными лачугами), я влюбилась из-за ванны, большой, роскошной, с автоматическим подогревом для тех, кто любит часами нежиться в воде. Я терла руки и лицо до красноты, обмазывалась отбеливающими масками и втирала в голову душистые эссенции, стараясь вывести въевшуюся под кожу копать и вернуть волосам природный оттенок. Теперь ни одна душа не догадается, что меня много лет держали у плиты и камина, испачкав с ног до головы сажей.

Странно это вспоминать. Я не пыталась просить о помощи. Никто и никогда не поверил бы, что грязнуля с метлой — наследница графа де Фасино, прозванного в народе Синей Бородой за густую и иссиня-черную растительность на лице. Ведь по официальной версии дочь графа училась в другом мире, овладевала магическими науками и исправно подписывала по переписке документы, требуемые для выдачи завещанного ей папенькой ежемесячного содержания. А убогая, замызганная девка, вечно спящая у горящего камина в холодном подвале — дурочка, из милости взятая нынешней владелицей замка графиней де Фасино в штат прислуги.

Спустя три года мою голову все еще атаковали мысли из прошлого, и я видела в зеркале не себя нынешнюю, а ту девчушку, с книжкой из папиной библиотеки в одной руке и куском хлеба в другой. Никто не знал, что это тщательно отрепетированная роль. Мне даже нравилось изображать робкое, забитое создание. И что греха таить, в замке мне было не так плохо, с моими-то способностями. Ела я вдосталь, образование получала из книг, а чтобы не нагружали работой по уши, иногда играла роль припадочной. Но не переигрывала.

Отец защитил меня от «случайной» ранней смерти, вписав в завещание пункт, что я в случае оной, деньги должны были перейти сиротским приютам. Но он не учел еще одной вероятности, весьма

неприятной: я стала пленницей в собственном замке. Моя мачеха Ингрид использовала меня в качестве служанки. Раз в год я ставила подпись под документами, поэтому была жива.

Я всегда была умной девочкой. И осознавая всю степень опасности, вела себя тихо, как мои лучшие друзья мыши. Слава богам, я умела готовить. Так готовить, что все гости (особенно любовники мачехи) просто молились на ее кухню. Моя мачеха всегда была жадна, как лепрекон. Именно ее жадность меня от верной гибели и спасла.

Что-то я углубилась в воспоминания. Сегодня важный день. Я знаю, что Савва купил кольцо. По пятницам я всегда захожу в ювелирный магазин Лапницких, чтобы полюбоваться новой инсталляцией из золотых и серебряных украшений. То это эльфийский лес из цепочек, с травой из изумрудной пыли, то озеро с черным и белым лебедем, брошами из золота, перламутра и разноцветного жемчуга. Девочки из магазина хорошо меня знают. И Савву тоже. Приказчиц так возбудил факт покупки наследником компании «Безруков и сыновья» обручального кольца, что они не выдержали и поделились со мной, при этом не подозревая, что мы с Саввой встречаемся. Вот удивятся, когда узнают, кто избранница младшего Безрукого!

Платье сидело идеально. Волосы лежали волосок к волоску, прикрывая полуобнаженную спину. Я чудо как хороша. Увидев меня в ресторане во время акции «Скрупулеззо» мой будущий жених влюбился без памяти. Выше нос, Синтия! Брак с Саввой решит почти все твои проблемы. За ним ты будешь как за каменной стеной. Не стеной ли глубокого колодца, засыпанного купюрами?

Я шла по проходу между столиками за метрдотелем (хороший ресторан, здесь мы с Сидором еще не были и, надеюсь, никогда не побываем – не хочется портить приятные воспоминания). Нет, мне не хочется замуж за Савву Безрукого. Я же не слепая дура, чтобы романтизировать маменькиного сынка, единственным достижением которого являются папенькины (владельца компании «Живое Зеркало», производителя магических устройств для связи) деньги. Саввочка – мой билет на свободу.

...– ... и представляешь, наша продукция применяется даже в мореплавании! Отпала необходимость размещать маяки по побережью. Это дорого и старомодно! «Живые

зеркала» в
любой момент свяжутся с береговыми службами, определяют координаты и построят маршрут. Как
же здесь жарко! – Савва нервно повел плечами. – Любимая, ты не будешь против, если я сниму
пиджак и повешу его на спинку стула?

– Нет, конечно, нет! – я взяла со стола перечницу в форме кленового листа, потрясла ее и
поднесла к носу. – Перец выветрился и отсырел.

– Си, ты не на работе, – заулыбался Савва. – Расслабься. Тебе здесь нравится?

– Тут очень мило и... интимно.

Мы сидели в отдельном «кабинете» возле раскрытого окна. За ним шумел парк. Пахло розами. По
дороге к столику я чуть было не повернула назад. Чуть было не сбежала с
собственной помолвки!

Но еще раз все просчитала и решила: мне нужен этот брак. У Саввы есть
недостатки, но найти
идеального мужчину в современном Сильверграде – это утопия. В конце концов, если
есть
материал, почему бы в процессе эксплуатации не вылепить из него что-нибудь
приличное,
правильно?

Кольцо лежало прямо передо мной. Я опускала глаза и рассматривала желтый
бриллиант в оправе
из белого золота. Очень красивое. На моих тонких и хрупких пальцах будет
булыжник булыжником.

– Ты вот сейчас заговорил о маяках, и я вспомнила, о чем еще тебе не
рассказывала, – взвинчено
проговорила я. – Я ведь нашла отличное место для своей будущей студии. Знаешь,
где? Не
угадаешь. Это...

– Любовь моя, – Савва накрыл мою руку своей, – когда мы поженимся, тебе не
придется работать.
Ни дня. В этом нет необходимости, мои деньги – твои деньги. Моя мама не
работала, она
воспитывала меня и занималась домом. Нет-нет, Си! Это не та праздность, что
будет тебя утомлять!
И я не хочу запира́ть тебя в четырех стенах, хотя это, – мой жених улыбнулся, –
очень заманчивая
идея. Мама покажет тебе лучшие женские клубы, познакомит со светом Сильверграда.
Приемы,
рауты, суаре, благотворительность – мало ли в городе развлечений для замужней
женщины? И в
любом случае, когда родится наш первенец, думаю, через три года, мы не будем
нанимать няню,
верно? Мама поможет. Она против нянь, она сама меня вырастила.

Н-да, сдается мне, Савва не тот материал, что легко подвергнется переплавке. Скорее переплавят меня. Что там в плане брачного договора? «Мои деньги – твои деньги» – это точно не преувеличение для мелодраматичности?

– Я не хочу больше видеть тебя в этих ужасных комбинезонах, масках и перчатках, Си. Хотя я влюбился именно в момент вашей ревизии, – смущенно признался будущий отец моих четко распланированных детей. – Ты была так прекрасна: строга и точна! И твой вкус в еде! Он выше всяких похвал! Маму это тоже покорило.

– Но, Савва, – пробормотала я, лихорадочно соображая, – ты влюбился в меня как раз из-за моей работы... м-м-м... статуса, известности.

▲– Ты уникальна, Си, красива и популярна. Все мои друзья завидуют мне...

Может, кто-нибудь из друзей Саввы согласится на мне жениться, а? Нет, они там все такие. И половина наверняка с мамами-благотворительницами.

– ... но теперь у тебя будет другой статус – невестки Безруковых. И, разумеется, никаких больше ужинов с посторонними. Я не сомневаюсь в твоей верности, но... зачем? Тебе не понадобится дополнительный заработок. Позволь мне выделять тебе небольшое содержание до свадьбы.

– Спасибо, любимый, – я с легким нервным смешком опустила взгляд на кольцо. Сыр в мышеловке. Роды по расписанию. Ах да, рауты и клубы!

– Ты так на него смотришь. Удивлена размером? Я рад, что угодил с камнем. Позволь мне надеть это кольцо тебе на руку прямо сейчас.

– Сейчас? Но... – я запаниковала. Жаль, перец застоялся. Я бы сейчас нюхнула, будто бы забывшись, и расчихалась до соплей из носа и слез из глаз. А потом «прости, я в таком виде...».

К счастью, тут ожило зеркальце на столе у локтя Саввы. По экрану устройства пошли круги, как на воде.

– Ой, тебе звонят!

– Как не вовремя. Это с завода. Прости, я отойду. Сделай заказ.

– И для тебя?

– Я доверяю твоему вкусу, Си.

Савва вышел. Я выдохнула, уронив голову на руки. Тихонько пища, забила ладонью по столу. Это просто... кошмар! Чертово кольцо оказалось каким-то магическим проявителем черт, которые я больше всего ненавижу в мужчинах! Бежать! Но что сказать потом?! И где искать другого мужика, согласного срочно взять меня замуж? Три месяца трудов впустую!

...– Си, любимая, – над моим зеркальцем появилось озабоченное лицо Саввы, его магическая проекция, – на заводе произошло нечто непредвиденное, я срочно выезжаю в пригород. Ужинай без меня. Надеюсь, мы закончим наш разговор в более удачное время. И запиши ужин на мой счет.

– Да-да, конечно, – пробормотала я. – Продолжим... да. Ужин? Нет, ужин я оплачу сама. Савва, подожди, твой пиджак! Там... сыро.

Но лицо Саввы уже всосалось в серый экран устройства. Не перестаю удивляться чудесам прогресса. Можно разговаривать с человеком хоть из Тридевятого царства. Технологии плюс наномагия.

Что ж, мне подарили передышку. Немного подумать и принять правильное решение. Я даже знаю, какое. Я предпоагала, что с Саввой будет трудно, но ради свободы и мечты готова была пожертвовать... многим. Но только не самой мечтой.

Какая-нибудь другая девушка, заполучив такого жениха, будет на седьмом месте от счастья. Савва богат, не красавец, но симпатичен, и он ценит семейные традиции. Мне вот, например, очень импонировало его «ни-ни до свадьбы», иначе, мол, страсть в первую брачную ночь не та. Не то чтобы я надеялась, что в первую брачную ночь она будет «та», по крайней мере, для меня, но обет воздержания жениха и невесты – это так мило.

Однако придется начинать все сначала. На этот раз сделаю ставку на кого-нибудь из среднего класса. Савва был обманчиво легкой добычей, это меня и подвело. Я пока не готова поселиться в золотой клетке.

– Желаете заказать? – в кабинете появился официант.

– Вина, – сказала я мрачно. – Красного. И закусить. Меню? Не надо. Надоело. Доверюсь вашему выбору.

Официант глянул на коробку с кольцом, перевел взгляд на мое грустное лицо, а с него на пиджак Саввы, сделал какие-то свои, непонятные мне выводы и кивнул.

– Только не яблоки, не орехи... и голубей не надо, ни в каком виде, – буркнула я ему вслед.

Снова уставилась на кольцо. Договорюсь о встрече и верну. Скажу... понятия не имею, что сказать.

▲Вот выпью бокальчик и определюсь. Лишь бы не напиться. С алкоголем у меня сложные отношения, не вражда, но и не дружба. Однажды в замке, лет в пятнадцать, я перепутала морс с крепкой наливкой и залпом осушила полный бокал. Такого веселья имение Фасино прежде никогда не видело. Мне показалось очень забавным собрать всех пауков в замке и заплести паутиной вход в покои мачехи. Никогда я не была так близка к провалу.

Какое-то движение привлекло мое внимание и, взглянув через стол, я досадливо простионала:

– Только не это! Не сейчас!

На спинке стула, вернее, на распыленном на ней пиджаке Саввы, сидела крупная крыса. Очень крупная. Мокрая и взъерошенная. Понятно, кое-кто проголодался и заскочил в окно. На улице дождь, влажность – отличный проводник для магии «акциатто», и мои воспоминания слышны на всю округу. Крысы недотягивают до муравьев и пчел в плане чувства общности, но с коллективной памятью у них все в порядке.

Нежданная гостья наклонила голову. Я посмотрела в ее влажные глазки-бусинки. У крыс особый взгляд: вроде и невыразительный, а глаза отвести сложно.

– Да, хорошо, – я вздохнула, – помню, помню. Я обязана твоему роду и про долг свой не забываю.

Обязательно тебя покормлю. Но не здесь и не сейчас, – я отправила в голову грызуну мысленную картинку: уличная канава, я кладу туда кусочки еды. – Договорились?

Крыса моргнула и поерзала на пиджаке Саввы, усаживаясь поудобнее.

– Слушай, подруга! – возмутилась я. – Ты другого места для ужина придумать не могла? Сейчас сюда придут – и ты получишь палкой, а твои родичи под полом ресторана еще и познакомятся с

дератизационной командой!

Вместо того, чтобы испугаться (я приложила к своим словам еще одну красочную картинку), крыса
принюхалась и потянулась к карману пиджака.

– Эй, эй! Что там? Не трогай! Сказала же – покормлю!

Но грызун уже достал из кармана что-то круглое и прозрачное. Ничего себе! Да это же аква-
сюрприз, особая магия наяд! На вид как капля воды в оболочке из плотного желе, а
внутри –
конфетка. Дорогой сувенир из Водного квартала. Откуда эта штука в кармане у
Саввы? Купил для
меня?

Крыса пыталась разгрызть безделушку. Капля недовольно булькала, пружинила под
мелкими
зубками и не поддавалась.

– Отдай, – велела я. – Это мне.

Отдаст она, как же! В мыслях – азарт и желание сгрызть вкусно пахнущую начинку.
Что за день
сегодня? Ретроградный Меркурий?

Аква-сюрприз лопнул! Обрызгав стол и крысу. Хвостатая хулиганка с писком исчезла
под столом.
Как раз вовремя: официант принес вино.

– Простите, у меня тут... пролилось, – сказала я, сцапав со стола выпавшую из
сувенира конфетку.

Парень протер стол, оставил вино подышать и ушел. Я развернула конфету. Внутри,
насколько я
знала, должно было храниться магическое послание. Или поздравление. Скажу Савве,
что
встрянула пиджак и его сюрприз вывалился сам.

Кажется, обертку нужно было расправить и положить внутренней частью наверх. Так
я и сделала.
Над золотистым кусочком фольги всплыло женское лицо. Наяда, очень молоденькая, с
обнаженной
грудью, вся в жемчужных брызгах и с мокрыми волосами.

– Савву-у-у-шка, – протянула девушка. – От имени всех девушек «Мокрой Лапушки»
желаю тебе
счастья в супружеской жизни и горячего медового месяца. Мы не прощаемся. Приходи
к нам еще...
когда жена надоест. Ждем!

Наяда захихикала, изображение распалось на брызги. «Мокрая Лапушка» – это
известный бордель
в Водном квартале.

– Та-а-ак, – медленно проговорила я, задумчиво жуя конфетку. Ириска? Обожаю! – Вот тебе и «ни-ни».

▲... Два бокала. Залпом. Крыса неодобрительно наблюдала, как я напиваюсь.

– У меня стресс, – объяснила я, – ну не то чтобы стресс, но как-то все... муторно. Хотя я не виновата, он первый начал. А я с чистой совестью – на свободу.

В кабинете возник официант. Увиденное вогнало его в ступор. Хорошо, что парнишка не начал швыряться подносами или визжать. На моей памяти бывало и первое, и второе.

– Принесите орехов, – сказала я, собрав глаза в кучку и бдительно следя за застывшим у входа парнем.

– Вы же сказали...

– Это ей, – я указала на крысу.

Хвостатая нахалка, немного успокоенная моей мысленной проекцией («не нужно бежать, человек не агрессивен»), все же перебралась по пиджаку Саввы поближе к подоконнику.

– Не делайте резких движений, молодой человек, это моя гостья. Мы вместе... выпиваем. Немножко терпимости к двум одиноким дамам – и получите в конце вечера это, – я достала из сумочки золотой солид и положила его на подставку для чаевых, – компенсация за... не знаю, сам придумай, за что. Моральный ущ... ик...ущерб? Судя по твоему лицу, это точно он.

Официант подошел осторожно, как-то умудряясь одновременно коситься и на крысу, и на монету, но возражений не последовало. Но стол были водружены тарелка с фаршированным перепелом и соусница. Вот это я понимаю – настоящая еда, а не эта ваша молекулярная кухня.

– Принеси-ка нам... что тебе еще принести? – обратилась я к крысе. Стены кабинета слегка плыли перед глазами.

– Сы...сыра? – робко предложил официант.

– Молодец! – я одобрительно щелкнула пальцами. – На деревянном подносе, разного, кубиками... и вилочку... такую, – я изобразила пальцами в воздухе некую загогулину. – А! Я же не на работе! Сам должен знать.

Парень кивнул. Крыса аккуратно переместилась к моей тарелке и лапками деликатно сняла с краю

веточку зелени.

– И вина, еще, – велела я.

– Ваша гостья будет фрукты? – поинтересовался осмелевший официант.

– Будешь?

Крыса застыла, впитывая послание – я почувствовала ее ответ-одобрение.

– Ага, будет. И с собой заверни, детям. Не бойся, парень, мы допьем... мы все допьем, и я заберу зверушку с собой. Только т-с-с-с, – я поднесла палец ко рту, – сделай так, чтобы нас не беспокоили.

... – Представляешь, все предметы, химия, география, геометрия и алгебра, мне всему приходилось учиться самой... ик... по книгам из папиной библиотеки и по телеку на кухне, когда кухарка не смотрела свое любимое шоу «Любовь во дворце-2», – откровенничала я, подперев щеку кулаком и гоняя по тарелке жареный грибок. – Да, да, домашнее обучение, неизбежные пробелы в образовании, ты права. Но кто пустил бы меня в школу? Никто! Меня ведь не было! Была Замарашка, умственно отсталая девица. Элмеция де Фасино – это я когда-то, приятно познакомиться, хотя сейчас это странно звучит, Эл-ме-ция, ну и имечко! – якобы училась в другом мире и, по версии Ингрид, моей мачехи, была в полном ажуре. Рассказать? Доказать? Кому? Никто бы не по-ве-рил. А я еще магическая клятва неразглашения. Зачем я ее дала? А что мне было делать? Сначала меня на месяц заперли в темноте, морили голодом и выпустили только в обмен на клятву! Потом я притворилась, что спятила от горя и одиночества в темноте подвала. К счастью, мне поверили. Мне потребовалось пять лет, чтобы выбраться из замка. Но я не сидела без дела – я учи-и-илась. Спасибо твоему роду, крысуля, только вы смогли бы повернуть то дельце с королевской библиотекой. Жаждем еще по одной?

Но крыса волновалась: бегала по столу и нервно перебирала лапками кусочки недоеденного сыра.

– Понимаю, ты спешешь. Семья. А вот у меня никого нет, – вздохнула я. – Мачеха и бывший жених не в счет. Что мне делать с кольцом? Положу в пиджак и отправлю его Савве. Он догадается, ♠вот увидишь. Потому что я сделаю вот так...

Я свернула золоченую фольгу из аква-сюрприза в трубочку и обмотала ее вокруг бриллианта. Мы
квиты. Ты нарушил обет, а я тебе лгала.

– Запрыгивай, – велела я крысе, раскрыв сумку. – Да не волнуйся ты! Не забуду я твой сыр!

Глава 4

Глава 4

Синтия

– А вот не нужно было пить, – бормотала я, пробираясь самыми темными закоулками Солнечного
Квартала. – Вот совсем не нужно было.

Это днем квартал Солнечный, а ночью – ночной, и даже очень, и шастают в нем самые
разнообразные нездоровые элементы. Дернула меня Навья сила срезать дорогу!
Заблудилась я. Три
года в Сильверграде – смешной срок, чтобы изучить все переулки города двенадцати
кварталов.

Выпивка шумела в голове и толкала на подвиги.

– А вот не нужно под...ик...вигов, нужно сидеть тише воды ниже травы, – уговаривала
я себя. Но
песня уже рвалась из горла. И не простая, а неприличная, частушечная. – Катится
клубо-о-очек,
кружево плетет! На порожек к ми-и-лому меня приведет. У клубочка магова не найти
конца, а у моя
ми-и-илаго – как у жереб...!

В самый пикантный момент песни на меня снова напал безудержный «ик». В моем
случае икота и
полная потеря чувства благоразумия – побочные эффекты неумеренных возлияний.
Переулок
всполошился, где-то истошно взвыла собака, по водосточной трубе с громким мявом
взлетел под
крышу кот.

– Пра-а-астите, люди добрые, сонные! – я раскланялась в разные стороны,
пошатываясь на
каблуках. – Не смогла на горло песне наступить! Я так счастлива, что жива... и что
я тут, в
Сильверграде! Я люблю тебя Сильверград, даже таким... вонючим!

– Иди проспись, дура! – рывкнули на меня из раскрывшегося окна.

Хорошо, что ничем не облили. В меру интеллигентный райончик. Тут живет много
ведьмаков, а за
рекой, за городом, квартал вливается в Тридевятое Царство, мир ведунов и древних

богов Седьмицы
и Дюжины.

Видимо, рано я воспела дифирамбы темным переулкам Солнечного. Вот тут меня не просто ждали и встречали, а радостно предвкушали. Молча и невежливо, с зажатыми в кулаках серебряными кастетами и тонкими ножами-пёрышками.

Мощеную дорожку вдоль кирпичной стены перегородили трое. Относительно освещенная часть улочки осталась за спиной, там тоже выросли, словно из-под земли, три темные личности. Я принялась. От компании тянуло дымом, водкой, кровоостанавливающей мазью и нездоровым предвкушением.

— Вот чего ты? — мягко, с укором, спросил один из мужчин, крупный и, судя по голосу, немолодой. — Горло дерешь, людям спать не даешь. Отдавай свое: деньги и рыжё(*).

(* рыжё — золото)

— Стихи! — восхитилась я. — Вы всегда грабите людей под... ик... поэзию?

— Иногда, — скромно признался громила.

— Как мило! Люблю стихи! Хотите почитаю?

— В другой раз. Давай, киса, не рыпайся. Раз пришла, вноси долю в кассу, на благо родного Сильверграда, который ты так любишь.

Грабители загыгыкали.

— Ой, вы слышали, как я пела? — скокетничала я.

— Тебя только мертвый не услышал. Хотя тут кладбище недалеко... Гони деньги и блестяшки, иначе переселишься туда, где стихи не читают.

▲— Боюсь, что не могу, — призналась я. Песни в моей голове утихомирились, зато заворочались творческие идеи. Весь мир — театр. — Я отдала все свои сбережения одной колдунье из Темного квартала, чтобы...

— Это мы сейчас проверим... — пискляво начал мелкий гопник, тесня меня к стене.

— ... снять проклятие мумии, — договорила я.

Мелкий замер и боязливо затоптался в нескольких шагах, пожилой скептически фыркнул.

– И как? – равнодушно спросил он с видом: «что только не придумывают эти жадные ограбляемые ради спасения пары золотых шеленгов». – Помогло?

– Увы, – вздохнула я, разведя руками, отчего пошатнулась и чуть не упала. – Проклятие не снять. Древний царь мертвых земель пожелал меня в жены и вот-вот заберет туда, – я махнула рукой себе под ноги. – Наверное, придет своих слуг, черных... – я призадумалась, стараясь подобрать эпитет позловещее, – кровавых... бурых скарабеев, пожирателей плоти. И не будет им... их... числа.

Бандиты, собравшиеся полукругом, дружно посмотрели вниз. Под щербатую, взрыхленную сорняками мостовую вытянула корни растущая за стеной тыква. В ее корнях жили медведки. Эффектные насекомые. И местами полезные – в Восточном квартале из них делают настойки и порошок от белой сыпи. Не знаю, насколько помогает, но народ берет.

– Кажется, – грустно сказала я, – за мной пришли.

Пришлось сделать многозначительную паузу, не так просто собрать за несколько минут достаточное число насекомых, рассеянных по извилистым норам. Грабители начали посмеиваться и переглядываться и продолжили сужать полукруг.

Именно тогда булыжник, наконец, вздыбился и медведки поперли наружу. Не так много, как мне хотелось бы для полного эффекта, но достаточно, чтобы гопники с воплями бросились врассыпную. Последним отступал пожилой, бормоча:

– Да чтоб меня... это что за магия? Стойте, сволочи, это просто мед...!

Он даже пытался топтать особо ретивых насекомых. Тогда я подняла стаю в воздух и точным пике направила предводителю на голову. Он позорно бежал, прихрамывая, костеря и меня, и своих братьев по оружию. Потревоженные жуки возвращались, недовольно скрипя, и прятались в свои многочисленные норы. Будучи не такими умными, как птицы или грызуны, они не понимали, что стало источником беспокойства, но тоже... ругались.

Пока я устраивала шоу, голова проветрилась, и на освещенные улицы я возвращалась, испуганно шараясь от каждой тени. Взяла такси и добралась домой без приключений, вспоминая о крысе, оставленной у стен ресторана. Надеюсь, с ее семьей все в порядке, но пусть лучше поменяют место жительства. Хотелось верить, что крыса поняла мой прощальный совет.

Зуз

– Ликанским наречием хорошо владеете? – осведомился редактор звукозаписывающей студии.

– Как родным, – не покривив душой ответил Зуз.

Он год прожил в мире волков-оборотней, даже высокогорный диалект освоил.

– Отлично! – обрадовался режиссер. Заговорил быстро, устало и взвинченно. – У меня проблема с подбором актеров. Озвучиваем детскую книгу о волчонке-оборотне Пушистике. Нужно побольше задора, но главное, тембр малыша лет семи. Цель издательства – с детства популяризировать здоровый, неагрессивный образ жизни, привить толерантность к тем, кто не похож... ну вы знаете. Пробы у вас отличные, я оценил. Вот текст.

Текста оказалось всего ничего: двенадцать разворотов о приключениях Пушистика. Волчонок на иллюстрациях был очень симпатичный, улыбчивый, хотя немного клыкастый. Ну да, толерантность. Отзывчивость к тем, кто может загрызть и схарчить тебя даже в семь-восемь лет. Зуз решил, что справится – за озвучку платили сто шеленгов, легкие деньги. Хватит, чтобы продержаться три-четыре дня с нормальной едой и комнатой в отеле, даже с любимым светлым «Корона цвергов» по вечерам. Зуз представил, как льется в высокий бокал золотистое пенное пиво, и сглотнул.

Он немного трансформировал горло, чтобы звучать по-детски, и с чувством произнес:

– Оборотень Пушистик ходит в паб, Оборотень Пушистик ходит в бар...
♠Музыка в наушниках стихла.

– Стоп! – донеслось из динамика. Говорил режиссер. С недоумением. – Какой паб? Какой бар? У нас детская книга!

– В парк! В цирк! – Зуз шлепнул себя по лбу.

– Еще раз! Повнимательнее!

– Оборотень Пушистик ходит в клуб, Оборотень Пушистик ходит в... Черт! Черт!

– Да что с вами? Куда еще? В бордель? Я понимаю, у каждого свои проблемы... – взревел режиссер, отчетливо подергивая веком, – ... но господин Араэль, прошу,

сосредоточиться!

Зуз взял себя в руки и без запинки, с выражением прочитал первую историю:

... – Оборотень Пушистик ходит в парк, Оборотень Пушистик ходит в цирк! Оборотень Пушистик не ходит в лес...

И вторую, и третью. Дело пошло. Пушистик ожил и получил свой голос, игривый, чуточку наивный, обаятельный. Пиво отдалилось и пламенело солнцем где-то на задворках сознания.

... – Однажды Пушистик встретил на лугу девочку. Он не стал ее кусать! Он не стал ее пугать!
Пушистик подружился с девочкой, и вместе они...

... – Метаморф-полукровка? – вполголоса поинтересовался режиссер, отсчитывая гонорар серебряными десятками. – Да ладно, я же слышу. Так голосами играть... вы поосторожнее, сами понимаете. Толерантность толерантностью... Я очень доволен вашей работой, господин Араэль.
Оставьте личный отпечаток, мы позвоним вам на «зеркальце».

Магического устройства для вызовов у Зуза не было. Он оставил номер гостиницы и отправился искать бар. Деньги приятно холодили кожу сквозь ткань кармана. За три года город подзабылся. Зуз поднялся на смотровую площадку, застыл, замороженный красотой вида.

Сильвергад. В середине Сити-круг – радиальный район, деловой и культурный центр столицы.
Многочисленные миры свиваются в Двенадцать кварталов, от прѳ клятого вечной сыростью Дождливого до Багрового, изолированной от Сити-круга обители вампиров. Для того, чтобы оградить сектора на случай прорыва в одном из них нечисти, передвигаться между кварталами можно лишь по серебряным мостам.

Уже в паре сотен миль от города границы миров начинают так искажать пространство, что неопытного путника подстерегает опасность сгнуться в его складках и расколах. И только поезда, снующие по серебряным рельсам, идущие сквозь звездную мглу Междумирья, могут довести путешественника в нужный пункт.

Зуз спустился в центр и пешком прошел по Соловьиной улице до начала Туманного квартала. Все вроде и знакомо, и нет. За три года город существенно изменился. Новые аллеи, памятники и

клумбы с неизменными розами. А это... Зуз застыл перед табличкой «Харчевня «Вольный маг» —
возрождение легенды. Скоро открытие!»

Здесь они с Эмилией впервые встретились. Здесь признались друг другу в любви. Это Эм
занималась «Вольным магом», рестораном отца! Зуз почувствовал, как трепещет в
душе надежда. А
с ней заняла сросшаяся в двух местах нога. Он постоял на прохладном ветерке,
остыл. Нет, все
кончено. Эмилия, должно быть, давно замужем. А Зуз... он просто хочет пива.

Петр

— Н-да, — сказал я, колупнув краску на стене. — Полная безвкусица.

Сочетание низких потолков, вполне уместных в старом оформлении харчевни, но в
нынешнем —
нелепых, с позолотой, колоннами и мраморным полом производило убийственное
впечатление.

— Старых посетителей обновленный дизайн харчевни отпугнул, — устало сообщила Эм,
присев за
стол, тоже безвкусный и, кажется, даже со столешницей из пластика под мрамор, —
новых не
привлек. И я ушла. Спорить с братом было бесполезно.

Сестра помолчала и нехотя добавила:

— У Армана нет деловой жилки отца. Он гоняется за признанием и славой. Драконьи
традиции,
пафос, интриги... Вечная вражда с ведьмаками, дорогие удовольствия. Ты бы только
видел его
▲ткости и перчатки. Семья средней руки могла бы безбедно жить год на ту сумму,
что Арман в месяц
тратит на свою коллекцию аксессуаров. Деньги из наследства утекают сквозь
пальцы. Не знаю, что
будет дальше. Мама так... глупа, что не видит, как ее сынок разоряет дом Ганье.

— Тогда тебе тем более нужно бросить все это и зажить своей жизнью, — сказал я.

— Ты же знаешь, что для меня не была предусмотрена независимая доля в
наследстве, — возразила
Эмилия. — Таков закон. Женщина-дракон получает деньги только как приданое, выйдя
замуж.

— Не она, а ее муж, — уточнил я. — Поговори с юристами, тебе подскажут, что
делать. Сейчас не
средневековье. Если есть хоть малейшая лазейка, возможность выскользнуть из-под
опеки — плюнь
на деньги и на всех Ганье разом.

— Мне не на что будет жить, — тихо проговорила Эм.

– Вот эта проблема как раз легко решается.

Я поплевал на ладони, пробормотал:

– Шатал я этот Арманчиков новый дизайн, – и уперся руками в ближайшую колонну.

Под вскрик Эмилии колонна рухнула, подняв облако пыли. Внутри была пустота. Подделка под роскошь гораздо хуже нищеты.

– Ты хочешь тут все разрушить? – воскликнула Эм. Глаза ее засверкали азартом.

– Да, я настроен решительно, – весело сообщил я. – У тебя сохранились старые фотографии харчевни, до ремонта?

– И фото, и чертежи. Я ведь сама занималась косметическим ремонтом. Петр, ты хочешь сказать...?

– Да. Как быстро ты сможешь вернуть «Вольного мага»? В том виде, в каком была харчевня, когда погиб отец.

– Три месяца, минимум... Но Петя!

– Я даю тебе четыре. Недели. Это осуществимо?

Эмилия приподнялась, раскрыв рот, снова села, подумала и хрипло произнесла:

– Деньги.

– Будут.

– Откуда? – умоляюще протянула сестра. – Петя, где ты был три года? Чем занимался? Откуда у тебя деньги?

– Всего рассказать пока не могу. Но ваньку не валял, поверь. Я буду тебе платить, Эм. Как дизайнеру. Хорошему дизайнеру. Когда ты сможешь приступить?

– Сейчас, – решительно ответила сестра. – Вернусь домой и займусь расчетами. Кстати, ты помнишь, что тебе принадлежит все здание? Над рестораном есть небольшая квартирка: две комнатки и ванная.

– Отлично! Переселяюсь до полуночи. В отеле дороговато.

– Правильно! Экономь, где только можно. Нужно беречь денежки, они теперь не только твои, – Эмилия лукаво улыбнулась.

— Тебе ужасно идет улыбка, — сказал я, чувствуя, как теплеет на душе. — Вот такая, широкая, рот до ушей, хоть завязочки пришей. Ты делаешься чудо какой хорошенькой. Иногда мне становится жаль, что я твой брат.

— Дурак ты, Петя, — смущенно пробормотала Эм.

... Я перевез свои вещи, взял коробку риса в любимом с детства фургончике «Спайси панда» (я тоже люблю традиции, но только когда что-либо годами остается неизменно хорошим) и поднялся к себе. Поев, раскрыл чемодан, выложил одежду и мелочи — коснулся дна, вливая немного магии. Внутри чемодана находилось тайное отделение, скрытое магическим замком. Стенка щелкнула и отошла.

♣— Ну здравствуй, Локс, — сказал я, выставив на стол мутное зеркало в старинной раме. — Не поговорить ли нам? Не обсудить ли новости?

В артефакте я не отражался. Там проступило бледное лицо. Я больше полугода общался с заключенным в зеркало магом, и тот всегда был недоволен и несчастен. Радовался бы. Его, как и нескольких его коллег-предателей, поселили в артефакты посмертно. Некоторые маги-отступники и такой жизни не имеют, сразу в Навь отправляются, карму исправлять.

— Мое Око спит, — с мученической интонацией сказал дух. — Ничего не видит, ничего не ведает. Спокойной ночи, хозяин.

— Ах ты, псина сутулая, — ласково сказал я. — А ну быстро соединишь с братьями по артефактам и синхронизируй информацию. Меня интересуют Сильверград и его окрестности.

— А если не соединюсь, то что? — сварливо пробормотал дух. — Убьешь меня еще раз?

— Я, видимо, слишком с тобой церемонюсь, Локс, — задумчиво проговорил я, устало почесывая ноющую шею. — Ты принимаешь мои жалость и снисходительность за слабость. Это плохо. Ну что ж, пришло время прояснить, какой тут у кого статус.

...— Я больше не буду! Прошу, хватит! Только не это! Не это!!!

— Не понравилось? — участливо проговорил я. — Надо же! Это просто... тьма. Которая может стать вечной. Трудно жить без звуков и прочих ощущений, которые остались от

человеческой жизни,
правда?

Я всего лишь немного поиграл с магией. Растянул время внутри артефакта и лишил Локса внешних раздражителей. Будучи спрятанным в чемодан, он спокойно погружался в своеобразную спячку, зная, что рано или поздно я вытащу его на свет божий. К тому же, он слышал звуки и мог включать свое Око. Оказавшись в безвременье и пустоте, дух долго не продержался.

– Хватит! Я все понял!!! Не надо так больше!

– Информация! – рявкнул я.

– Он здесь! Он в Сильверграде! – затараторил Локс, подтверждая мои худшие опасения. – Они его оживили! Бессмертный колдун уже три года как жив!

– Да чтоб вас всех... – ошеломленно проговорил я.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/drakonofobiya-v-kontrakt-ne-vhodit-b269878>